

*Посвящается Джеффри.
Вот уже двадцать лет ты был
и остаешься первым и единственным.*

Если вы хотите сохранить что-то в тайне, вы должны скрыть это даже от себя.

Джордж Оруэлл, «1984»

Часть I

ВСЕ НАШИ МАЛЕНЬКИЕ ТАЙНЫ

Пролог

Она наблюдала. Такой у нее был талант. Растворяться в темноте, утонать в тенях, распластанных между и позади. И видеть мир таким, каким он был на самом деле — когда люди представляли в своем истинном обличье. Сегодня каждый имел возможность транслировать вовне изрядно отредактированную версию своей личности. Каждый устраивал «шоу имени себя». И позволял маске сползти, только оставшись в одиночестве, подальше от посторонних глаз.

Она наблюдала за ним не в первый раз. Заглядывала под соскальзывающую с его лица маску.

Он тоже прятался в уличных тенях, в непроглядной вязкой тьме. Она следила за ним, пока он, будто хищник, кружил на машине в поисках места под деревьями. Он припарковался, но оставался за рулем, пока не наступила ночь и окна домов не погасли одно за другим. Наконец он вышел из машины, тихо закрыл дверь и перешел улицу. Он ждал.

Что же он замышлял?

Она наблюдала за ним вот уже несколько недель и видела, как он катал своих детей на качелях в парке, как в разгар дня заходил в стрип-клуб, как до бесчувствия напивался в спорт-баре за просмотром матча со своими приятелями. Как-то раз он помог молодой матери с груд-

ничком в коляске и малышом постарше донести от ма-
шины до дома сумки с продуктами.

А однажды он подцепил в местном баре женщину. Они,
как животные, повозились в его припаркованной на стоян-
ке машине, а потом он, как ни в чем не бывало, отправил-
ся в продуктовый магазин за едой для своей семьи, доверху
забив тележку мороженым и крекерами «Золотая рыбка»,
которые нравились его детям.

Что он задумал на этот раз?

Наблюдателю положено наблюдать — беспристраст-
но, не вмешиваясь. Но что-то надвигалось — она чувство-
вала это, безмолвно и терпеливо выжидая в прохладной
ночи.

По пустынной улице отрывистым эхом простучали
чьи-то каблуки. Она почувствовала, как в венах запуль-
сировал почти невесомый призрак ужаса. Неужели она
одна наблюдала за происходящим? Ничьих внимательных
глаз за оконными стеклами нет. Только она. Люди совсем
разучились замечать. Перестали смотреть по сторонам.
Уткнулись в гаджеты. А иные — в собственные мысли,
в бесконечно разматывающуюся перед внутренним взором
пленку с мелькающими картинками прошлого и грядущего,
пестрящую образами желаний и тенями сомнений.

Закинув дамскую сумку на плечо и спрятав руки в кар-
маны, по улице уверенно шагала стройная, статная де-
вушка. Он вышел из тени и преградил ей путь. Она резко
остановилась. Отступила на пару шагов. Он потянулся
к ней, словно хотел взять за руку, — она спрятала ладони,
обхватив себя за талию.

Зазвучали слова, разобрать которые она не могла, за-
вязалась беседа. Интонации, поначалу резкие, станови-
лись все мягче. Голоса доносились издалека, расплзались
по воздуху перекликающимися птичьими криками. Что
все это значило? Вверх по позвоночнику скользнули ледя-
нящие пальцы страха.

Он попытался заключить девушку в объятия, но та
отпрянула. Он все равно придвинулся к ней. В ночи его

громоздкий силуэт выглядел особенно угрожающе. Он поглотил хрупкую фигурку девушки, и они, неуклюже покачиваясь, словно пара, слившаяся в странном подобии танца, направились к двери. Очень скоро она сдалась и обмякла в его руках. Впустила его в дом. На улице снова воцарилась тишина.

Она застыла, не до конца осознавая увиденное. Однажды она поймет, кто скрывался под маской и что он сотворил. Поймет и возненавидит себя за то, что пряталась в тени, безучастно наблюдая. Будет уговаривать себя, что не знала. Представить не могла, какое чудовище скалило зубы из-под маски.

Глава первая

СЕЛЕНА

Селена любила пограничные состояния. Те драгоценные мгновения между ролями, которые ей выдала жизнь.

Из-за затянувшейся встречи с клиентом она опоздала на поезд, отправляющийся по расписанию без двадцати шесть. Она все еще сидела за столом в переговорной, когда поняла, что сегодня Грэм, ее муж, и их энергичные сыновья Стивен и Оливер будут ужинать без нее. Не застанет она и привычной вечерней суеты: ни водных процедур, ни переодевания в пижамы, ни импровизированных озорных выходов мальчишек, ни их ожесточенных сражений и стремительных перемирий, ни кратких перерывов на телевизор — если удастся усадить их хотя бы на минуту. Селена редко работала допоздна — она предпочитала возвращаться вовремя. Все-таки эти безумные вечера были лучшей частью ее дня.

Но тем вечером опоздание на привычный экспресс — успеть на который она даже не попыталась — подарило ей чуть больше двух часов свободного времени перед следующим поездом, отправляющимся без пятнадцати восемь. Провести их она планировала, разбираясь с офисной рутинной.

Она почувствовала, как границы ее личности расплываются. В эти часы она не была сотрудницей агентства. Не была заботливой матерью. Она была собой. Могла безоглядно погрузиться в собственные мысли. А положить руку на сердце поразмыслить Селене было над чем. Пришло время вслушаться во все то, что белым шумом зудело в глубинах ее подсознания.

Такси доставило ее обратно в офис. Она выскользнула из машины в прохладный осенний вечер. Ее захлестнула шумная городская суета, бурный поток людей, спешащих домой после утомительного рабочего дня. Селена нырнула в спасительную тишину отделанного мрамором вестибюля, кивнула знакомому охраннику, царапнула пропускной картой по считывающему устройству на турникете и шагнула в пустой лифт, немедленно поползший вверх.

Вдруг ее сердце бешено заколотилось. Во рту пересохло. Сумка, ставшая непривычно тяжелой, остервенело вгрызалась ремешком в напряженные мышцы плеча. Она опоздала на поезд не нарочно. Она и правда не хотела прерывать клиента — а он все продолжал и продолжал говорить.

И все же...

В офисе никого не было. Почти все немногочисленные сотрудники литературного агентства были людьми семейными. Родители в большинстве своем уходили с обеда и, забрав детей из школы, до конца дня работали из дома. Бет — ее начальница и по совместительству лучшая подруга с самого детства — позаботилась, чтобы работа не мешала подчиненным проводить время с семьями. В офисе царила на редкость гуманная атмосфера.

Она не стала включать в кабинете свет, предпочитая любоваться сверкающим за большим окном центром города. Она сбросила с плеча сумку и почувствовала, как кровь горячила щеки. Сняв куртку, она устроилась за столом, глубоко вздохнула и откинула крышку ноутбука.

Время перевалило за четверть седьмого. Мальчишки на верняка уже поужинали. А зная их няню Женеву и эф-

фективность, с которой она обыкновенно руководила вечерним парадом, Оливер и Стивен могли к этому часу успеть побывать в душе, влезть в пижамы и устроиться перед телевизором.

Селена откинулась, и спинка ее эргономичного кресла услужливо подалась назад. Она не скрывала, что в доме были установлены камеры. Женеву предупредили о них: одна на втором этаже и одна — на первом. А вот о том, что камера из спальни мальчиков переключалась в другую комнату, Селена не стала рассказывать ни Грэму, ни Женеве.

На мгновение она отвлеклась от своих мыслей. На столе громоздились поблескивающие в рамках фотографии мальчиков и Грэма, школьные рисунки и керамическая сова, которую Оливер сделал в творческом лагере. Она повертела в руках это глазурное нечто с вырезанным на глиняном дне именем автора, провела пальцами по кособокой «О» и отстоящей от остальных букв «е». Откуда-то донеслось гудение пылесоса.

Венчала коллекцию воспоминаний свадебная фотография, на которой она сияла улыбкой рядом с щеголяющим в классическом смокинге Грэмом. Пока фотограф снимал их, Грэм нашептывал ей на ухо непристойности вперемешку с милыми шутками.

— Это лучший день в моей жизни, — не преминул поделиться он.

Он крепко сжимал ее в руках, щекоча ухо горячим дыханием. Тело покалывало от радости, от желания. Это было почти десять лет назад. Десять лет, пролетевших за мгновение. Господи, да за один удар сердца, за один вдох.

Она поставила фотографию на место и запустила на ноутбуке приложение для просмотра видео с камеры, которую она установила в детской.

Загрузка изображения заняла некоторое время.

Появившейся на экране картинке она не удивилась.

Грэм, ее муж, трахал Женеву, няню ее детей, прямо на коврик, который Селена и Грэм вместе выбирали в ИКЕА.

Звук был отключен, что избавило ее от их прерывистого дыхания и стонов.

Когда же она заподозрила неладное? Пару недель назад. Случайно заметила, какой взгляд бросил Грэм на Женеву. Что-то едва уловимое, сиюминутное промелькнуло в его глазах.

«Нет, — подумала она тогда. — Быть не может».

И перенесла камеру из спальни в детскую.

Она наблюдала за ними уже второй раз. Ее охватило странное спокойствие, какая-то апатичная отстраненность от происходящего.

«Но ведь не *настолько* Женева сексуальна», — размышляла Селена, глядя на девушку с блестящими пшеничными волосами и покрасневшими щеками. Селена наклонилась ближе к экрану, чтобы получше ее рассмотреть. Симпатичная. Но *ненамного* лучше самой Селены.

Конечно, эта другая была немного моложе — но всего-то на несколько лет. Вероятно, она обладала присущей женщинам мягкостью, которой не хватало Селене. Вероятно, выглядела свежее. Но в ней не было ничего особенного. Самое забавное, что Селена наняла Женеву няней в том числе за ее невзрачность. Женева, будучи в допустимой степени привлекательной и неглупой, успешно делала карьеру в сфере ухода за детьми и подкупала длинным списком блестящих рекомендаций. Она не была секс-бомбой. Не была краснеющей двадцатилеткой с намалеванными губами и вульгарными татуировками. Словом, не выглядела девушкой, о найме которой пришлось бы впоследствии пожалеть. Большинство женщин, включая Селену, прекрасно понимали, что приводить в свой дом сексуальную красотку, да еще и на регулярной основе, — себе дороже.

Но Селена *знала* Женеву — и хотела нанять именно ее. Они познакомились на детской площадке в самый первый год, когда Селена ушла с должности, чтобы посвятить себя детям. Круговорот из работы, общественного транспорта и детского сада измотал ее до предела. Она,

словно эквилибрист, пыталась удержать баланс на совершенно несбалансированной опоре. И тогда они с Грэмом решили, что ей стоит какое-то время посидеть дома — столько, сколько потребуется. Они могли себе это позволить — Грэм зарабатывал более чем достаточно. Конечно, от «Рендж Роверов» и ежегодных поездок на озеро Тахо пришлось бы отказаться, но уж это они смогли бы пережить.

Селена *восхищалась* тем, как Женева общалась с ребятами Такера, Райаном и Чедом. Она была мягкой, но непоколебимой. В ней чувствовалось знание своего дела, но не было дотошности. Мальчики слушали ее.

— А ну-ка смотрим на меня, — улыбалась она, и дети немедленно подчинялись.

Женева отличалась от прочих нянек, гуляющих в парке, — миллениалов, которые, уставившись в телефоны, вовсе не следили за беснующимися или уткнувшимися в собственные устройства подопечными. Женева была другой. Она качалась вместе с ребятней на качелях, играла в салки и прятки.

И вдобавок ее сложно было назвать *горячей* штучкой.

Она была приятной: волоокая, с темными густыми ресницами, носом пуговкой и пухлыми губами. Грудастая и чуточку — очаровательно — полноватая. Пышнозадая, как говаривал ее отец. Она выглядела в хорошем смысле сильной и приспособленной к тяжелому физическому труду. Селена была высокой и стройной — спасибо наследственности, потому что, видит бог, ей было бы непросто выделить время еще и для работы над своим телом.

Она сделала звук чуть громче и вслушалась в их стоны. Они показались ей какими-то... вынужденными?

Селена вспомнила их почти ежедневные беседы с Женовой. Сыновья любили ее.

— А Женева придет? — иногда спрашивал Оливер, ее старший, по дороге в парк.

— Должна, — отвечала Селена, мечтая найти кого-нибудь вроде Женовы хотя бы на полдня.

Кого-нибудь, с кем она могла бы спокойно оставить детей. Ей вполне нравилось быть домохозяйкой, и она вовсе не скучала по работе в рекламном агентстве. Она, в отличие от многих своих друзей, никогда не стремилась во что бы то ни стало сделать карьеру. Она была другого толка. Ей нравилось работать — нравилось чувствовать независимость, нравился их сплоченный коллектив, нравилось приносить пользу. И, конечно, нравилось получать за это деньги. Но ничто из этого не определяло ее личность.

— Да, да, как хорошо, — простонал Грэм.

Она снова убавила громкость, взяла одну из красующихся в рамках фотографий мальчиков, поднесла ее поближе — так, чтобы она закрывала экран, — и вгляделась в их радостные румяные лица.

Не работа определяла Селену — Селену определяло материнство, осознание того, что она была рядом со своими детьми: готовила для них, заботилась о них, следила за порядком их дня, водила к врачам и парикмахерам, возила их на машине, ходила на родительские собрания и на школьные празднования Хеллоуина. Это не было чем-то сексуальным. И не всегда давалось легко. Материнские заслуги не превозносились в обществе. Но она нашла в этом такое удовлетворение, какого нигде более не находила.

Потом Грэм неожиданно — а разве бывает иначе? — потерял работу. Вовсе не по своей вине. Издательское дело претерпевало не лучшие времена, объемы печати стремительно сокращались, а беспорядочная штамповка макулатуры не была такой уж спасительной и не могла обеспечить Грэму приличную зарплату. На той же неделе Селена решила пропустить по коктейлю со своей хорошей подругой Бет, которая очень своевременно предложила ей заманчивую должность — она искала директора по лицензированию в собственное литературное агентство. Зарплата была даже больше, чем у Грэма, не говоря о бонусах. Конечно, нужно было обзавестись кем-то, кто бы присматривал за детьми. Из Грэма нянька была, мягко говоря, никудышная. К тому же:

— Детка, поиск новой работы — это тебе не орешки щелкать.

Поэтому, когда на второй день судорожных поисков решения проблемы Селена, встретившись с Женовой в парке, узнала, что та вот-вот лишится работы, она почувствовала, будто судьба благоволит ей.

— Миссис Такер решила пару лет посидеть дома, — пояснила Женева.

Все складывалось без сучка без задоринки — Селене казалось, что она *поймала волну* — так ведь сейчас модно говорить? Удачно сложившиеся обстоятельства позволили Селене вернуться к работе. Не то чтобы она мечтала об этом, но — делай то, что можешь, и будь, что будет. Рано или поздно Грэм найдет себе работу. Это всего лишь временные меры — временные и очень хорошо оплачиваемые.

Женеву, которая, по-видимому, предпочитала быть сверху, с этого ракурса было видно особенно хорошо. Селена не могла сказать наверняка, правдой это было или уловкой разыгравшегося воображения, но Женева выглядела не слишком заинтересованной в разворачивавшемся действе. Хотя, судя по выражению ее лица и движениям губ, все надлежащие звуки она покладисто издавала.

На изображении с камеры, установленной на первом этаже, мальчики, раскрыв рты, наблюдали за приключениями «Охотников на троллей»¹. Вымытые, накормленные и переодетые в пижамы, они ждали возвращения Селены.

В этом отношении Женева была безупречна — странная мысль для такого момента. Но Селена по-настоящему ценила в Женеве то, что она, в отличие от некоторых нянек, не пыталась заменить детям мать. Она знала свое место и по вечерам, как только Селена возвращалась домой, поспешно собиралась и уходила — иногда даже раньше, чем Селена успевала переодеться. Женева следила за порядком в доме и справлялась с бьющей через край детской

¹ Американско-мексиканский компьютерный мультсериал. — Прим. пер.